

2. Зелёная звезда над Камой. Часть I. Амикаро. — Текст : электронный // LiveJournal : [сайт]. — URL: <https://polikliet.livejournal.com/22314.html/> (дата обращения: 21.11.2024).

3. Искусственный язык эсперанто. — Текст : электронный // Языковой смак : [сайт]. — URL: <https://www.bkc.ru/blog/interesting/yazykovoy-smak/iskusstvennyy-yazyk-esperanto/> (дата обращения: 25.11.2024).

4. Кузнецов, А. Эксклюзивное интервью с Леонидом Юзефовичем / А. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Эсперанто новости. — 2004.\

5. Серебрякова Е. Леонид Юзефович: «Человек не так неисчерпаем, как нам казалось ещё совсем недавно» / Серебрякова Елена. — Текст : электронный // Пиши-читай : [сайт]. — URL: <http://write-read.ru/interviews/454/> (дата обращения: 29.10.2024).

6. Юзефович, Л. А. Казароза / Л. А. Юзефович. — Москва : Эксмо, 2002. — 133,140,285 с.

С.А. Тайшина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.филол.н., профессор Г.П.
Козубовская

СНЫ ПЕРСОНАЖЕЙ И ИХ ФУНКЦИИ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Сны – предмет междисциплинарных исследований. В литературоведческих работах, посвященным конкретным авторам, в том числе и А.П. Чехова, сновидения рассматриваются как литературный прием и определяются их функции. К психологической и сюжетной функциям снов, выделенных учеными (сон играет важную роль в формировании образов персонажей, их внутреннего мира, выявление скрытой подсознательной жизни персонажа, а также в организации сюжета), мы добавляем еще одну – роль снов в формировании подтекста.

Ключевые слова: онейропозтика, сновидения, сны, сюжет, межтекстовые связи, характерологическая функция, психологическая функция, мифологема, метафора, нарратив, повтор

Сновидения и сны издревле волновали общество, как нечто, неподвластное разуму. И фольклор, и художественная литература по-своему осваивали сны. Так, например, интересный материал собран в сборнике «Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты» (М., 2001).

Наука о сне – междисциплинарное направление, которое изучает различные аспекты сновидений, включая их физиологические, психологические и нейробиологические (см., например, издание М. Манасеиновой [13], а из современных

– работу Л.Е. Белоусовой [1]).

В большей части отечественных исследований, посвященных проблематике сновидений в творчестве конкретного писателя, сновидения рассматриваются как литературный прием и определяются их функции [2]: см., например, работы С.Г. Бочарова и В.М. Марковича о сне Татьяны в романе «Евгений Онегин», Б.С. Кондратьева о мифопоэтике снов в творчестве Ф.М. Достоевского, о поэтике снов в творчестве русских романтиков и Н.В. Гоголя – Д.А. Нечаенко, о снах в русской прозе В.В. Савельевой и др. Своеобразным обобщением научных изысканий в области онейропоэтики на определенном этапе можно считать сборник «Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения» [М., 1993].

Подводя некоторые итоги исследований в области функциональности литературных сновидений, В. Руднев отмечает: сон есть «... универсальный медиатор между реальностью и текстом» [7]. Ю.М. Лотман увидел в сновидческом литературном тексте метатекст [6]. Жолковский функцию сновидческих текстов определяет как функцию крепления межтекстовых связей [3].

Обращение А.П. Чехова писателя к снам, по всей видимости, не случайно.

Как показывает эпистолярный писателя, чеховские сны (бытовые и символические) связаны с какими-то страхами Чехова (см., например, в письмах к А.В. Суровину: «Мне снилось, что я женат» [8, т. XVI П, с. 56]; «Мне снилось, будто я в день рождения подарил Вам мороженую стерлядь» [8, т. XVI П, с. 108]; «Мне снилось, что я получил Станислава 3 степени» [8, т. III П, с. 193].

О том, что Чехов включился в процесс освоения снов художественной литературой, говорит письмо писателя к Д.В. Григоровичу: «Уважаемый Дмитрий Васильевич! Сейчас я прочитал “Сон Карелина”, и меня теперь сильно занимает вопрос: насколько изображенный Вами сон есть сон? И мне кажется, что мозговая работа и общее чувство спящего человека переданы Вами и замечательно художественно и физиологически верно. Конечно, сон – явление субъективное и внутреннюю сторону его можно наблюдать только на самом себе, но так как процесс сновидения у всех людей одинаков, то, мне кажется, каждый читатель может мерить Карелина на свой собственный аршин и каждый критик поневоле должен быть субъективен. Я сужу на основании своих снов, которые часто вижу» [8, т. II П, с. 28].

Актуальность работы обусловлена востребованностью изучения поэтики снов в художественной литературе.

Целью работы является исследование поэтики снов персонажей в прозе А. П. Чехова.

«Сны» и «бессонницы» Ольги Ивановны («Попрыгунья», 1891)

Первоначальное заглавие рассказа «Великий человек» было заменено, т.к. героиня выдвинулась на первый план, оттеснив Дымова. Этот ход оттенял «пустоту» героини, проспавшую настоящую жизнь и настоящего великого человека.

Характерологическая функция сна (Ольга Ивановна, возвращаясь в артистических кругах, мечтает о красивой жизни: охота за знаменитостями

стягивает реальность и мечту: «...Она боготворила знаменитых людей, гордилась ими и каждую ночь *видела их во сне*» [8, т. XVIII, с. 10]), как и психологическая (ее замужество – сказочная формула бессонных ночей: не спавшая ночей из-за болезни «отца-бедняжки», «... и вдруг – здравствуйте, победила добра молодца!» [8, т. XVIII, с. 8]), «Я всю ночь проплакала и сама влюбилась адски» [8, т. XVIII, с. 8]), дают представление о жизни Ольги Ивановны, укладывающейся в мифологему «жизньсон». И артистическое будущее, и семейная жизнь – бесконечное счастье.

Сюжет строится на ненавязчивом параллелизме «женского» и «мужского» в сменяемых друг друга эпизодах. Так, оглушив словесным потоком Дымова, приехавшего на дачу и мечтающего отдохнуть после трудовой недели, Ольга Ивановна, сообщая мимоходом, не отвлекаясь от своих дел, о своих снах («Ты мне всю, всю ночь снился, и я боялась, как бы ты не заболел» [8, т. XVIII, с. 14]), спокойно отправляет уставшего мужа назад в город за искусственными цветами для платья, в котором будет красоваться на свадьбе телеграфиста. Этот эпизод следует за другим, в котором Дымов сообщает ей о порезанных пальцах и о возможности заражения страшной болезнью. В этом параллелизме эпизодов в сюжете (повтор в сюжете обернется в будущем уже смертью Дымова) – есть настораживающий момент, формирующий подтекст, но он пока не задерживает на себе внимания читателя.

Мужские персонажи так или иначе связаны со снами.

«Жизнь-сон» – принцип существования Рябовского. Красивые слова увлеченного художника, опьяняющие Ольгу Ивановну, погружающуюся в их колдовскую ауру во время поездки на Волгу, превращают реальность в сон: так Дымов, оставшийся где-то далеко, становится призрачным, тогда как Рябовский занимает место властелина. Переживаемое героями состояние влюбленности в лунную ночь напоминает сон в силу нереальности случившегося.

Фамилия «Дымов» имеет символическое значение. Слово «дым» в русском языке ассоциируется с туманом, тайной и загадкой. Смыслы фамилии прочерчивают сюжет персонажа: от дымки, закрывающей истинный смысл супруги и ее образа жизни, к сгоранию от дифтерита – гибели Дымова в финале. Великий человек прошел тенью по земле: существуя рядом с Ольгой Ивановной, он сопровождал ее и не мешал ей жить и наслаждаться жизнью.

В описании дальнейшей жизни героини нет упоминания снов: Ольга Ивановна погружена в беспокойства реальной жизни, связанные с необходимостью уличить и вернуть любовника. И это на фоне проходящей мимо жизни Дымова, успешной и благополучной. «Виноватая» улыбка Дымова, как бы стыдящегося за полученную ученую степень, и полное равнодушие Ольги Ивановны в ответ на это известие – этим исчерпывается их семейная жизнь.

Мотив переодевания, сопрягающий «природное» и «женское» («...И казалось, что роскошные зеленые ковры на берегах, ..., синюю даль и все щегольское и парадное природа сняла теперь с Волги и уложила в сундуки до будущей весны...» [8, т. VIII, с. 17]), готовит пробуждение Ольги Ивановны от сна. Как подчеркивают Г.П. Козубовская и О. Илюшникова, «мотив переодевания, реализуясь в повторе, стягивает различные уровни повествовательной структуры в единый узел (“бытовое” переключается в “метафизическое”), создавая

параллелизм ассоциаций» [4, с. 71], «"Оголение", выраженное на языке природы, – метафора и один из авторских сигналов: договаривание природой того, о чем молчат люди» [4, с. 75].

Настоящее, где бессонница путает реальность с нереальностью, получает обозначение в глаголе «чудилось»: «Ольга Ивановна лежала одетая в небранной с утра постели и дремала. Ей чудилось, что вся квартира от полу до потолка занята громадным куском железа и что стоит только вынести вон железо, как всем станет весело и легко» [8, т. XVIII, с. 29]. «Кусок железа» – явная цитата из романа Л. Толстого «Анна Каренина», метафора бремени неразрешимых противоречий героини, предвестие ее гибели.

«Громадный кусок железа» в ее сне – это не болезнь Дымова (как она себе объясняет, проснувшись) и не символ мук совести и раскаяния (недаром Коростелев на жену своего друга смотрит такими глазами, «как будто она-то и есть самая главная, настоящая злодейка, и дифтерит только ее сообщник» [8, т. XVIII, с. 28]). У Чехова – подсознательное ощущение виновности героини перед близким человеком, оказавшимся жертвой ее равнодушия, метафора прозрения, это образ переживаемой человеком жизни, проносящаяся мимо, предсмертное состояние – метафорическая смерть.

Таким образом, сновидения Ольги Ивановны – это сны-предсказания, предупреждения в виде загадок и намеков, на которые не реагирует Ольга Ивановна, занятая только собой. Сны – это ее непробужденная душа, окутанная придуманными фантазиями. Разрушение снов – прозрение, сопряженное с утратой близкого человека и пришедшее слишком поздно.

На сюжетном уровне – не обретенное понимание жизненной сути в почти неумолимой связи эпизодов, подготавливающих трагический финал.

На уровне подтекста – готовящийся взрыв скрытой негативной энергии, приведшей к трагическому финалу и обретенной через потерю вины.

Иначе «работают» сны в новелле «Учитель словесности» (1894).

Сюжетообразующая функция сна в новелле «Учитель словесности»

Молодой учитель словесности Сергей Васильевич Никитин в начале новеллы абсолютно счастлив: состояние влюбленности превращает окружающий мир в подобие чудного, бесконечно длящегося сна. Ожидаемое счастье делает неразличимыми реальность и мечту: все мечты его сводятся к любимой девушке – Манюсе.

У Чехова события и фразы из яви вставлены в сон. Когда окно стало незаметно бледнеть, он продолжал думать и, видимо, провалился в сон – «увидел дубы и вороньи гнезда, похожие на шапки. Одно гнездо закачалось, выглянул из него Шебалдин и громко крикнул: "Вы не читали Лессинга!"» [8, т. XVIII, с. 319]. Но «... утомленный своим счастьем, он тотчас же уснул и улыбался до самого утра. Снился ему стук лошадиных копыт о бревенчатый пол; снилось, как из конюшни вывели сначала вороного Графа Нулина, потом белого великана, потом сестру его Майку...» [8, т. XVIII, с. 324].

Поначалу эта фраза Шебалдина кажется связанной только с профессиональной несостоятельностью Никитина, чем он немного мучается. Но на

уровне нарратива она создает подтекст, намечая будущую перспективу семейной жизни Никитина, из которой захочется выпрыгнуть, что пока не ясно самому Никитину.

Скопление неприятного (недавно пережитый стыд за проигранные в карты деньги и от услышанной фразы о том, что у него денег куры не клюют – намек на приданое, молочно-мармеладный эпизод со спящей Манюси, ассоциирующейся с «кошачьим», наконец, ссора с Манюсей из-за Полянского – сбежавшего жениха Вари, сестры Манюси) ведет к размышлениям, смешанным со сном. Неупоминаемый далее Лессинг сыграл свою роль: Никитин взорвался от окружающей его пошлости, от того, что допустил это в себе, живя и не замечая, что делается вокруг.

Итак, сны исподволь предупреждали о ненастоящем счастье.

На уровне подтекста сны – подготовка будущего взрыва Никитина, проснувшегося от ложно понятого счастья. Сны, построенные на лейтмотиве «Лессинга не читал», готовят будущий взрыв учителя словесности, чуть не утонувшего в пошлости.

Итак, сновидная поэтика у А.П. Чехова формировалась постепенно.

Исследователи выделили две функции снов в прозе Чехова – психологическую и сюжетную / сюжетообразующую.

Помимо отмеченных учеными функций снов, обозначаем еще одну: сны создают подтекст, очерчивающий готовящийся взрыв. Сюжет новеллы «Попрыгунья» разворачивает мифологему «жизнь-сон»: мечта о блестящей и красивой жизни Ольги Ивановны в артистичной среде, превратив ее жизнь в погоню за интересными людьми, обернулась подменой жизни сном, пробуждение от которого состоялось как результат трагической потери близкого человека. Фраза «Лессинга не читал» в новелле «Учитель словесности», проникнув из реальности в сны героя, в конечном счете разрушает ложное счастье Никитина, погружающегося в «тину мелочей».

Исследование перспективно. Предложенная методология и методика анализа текста могут быть использованы в дальнейшем – в анализе других произведений Чехова и других авторов.

Использованная литература

1. Белоусова Л. Е. На территории сна. – Санкт-Петербург : ТЕССА, 2007. – 169 с. – URL: <http://www.territoriasna.ru/> (дата обращения: 02.10.2024).
2. Дынник М. А. Сон как литературный прием // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2 т. Т. 2. – Москва; Ленинград, 1925. Стлб. 645–649.
3. Жолковский А. Блуждающие сны и др. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 428 с.
4. Козубовская Г.П., Илюшников О. Проза А.П. Чехова: костюм и поэтика повтора // А.П. Чехов: варианты интерпретации сборник научных статей. Вып. I / под ред. Г.П. Козубовской и В.Ф. Стениной. [Серия «Лицей»]. – Барнаул: БГПУ, 2007. – С. 68-82.
5. Лотман Ю.М. Сон – семиотическое окно // Лотман Ю.М. Культура и

взрыв. Москва, 1992. – С. 219-226.

6. Руднев, В.П. Культура и сон // Даугава. – 1990. – № 3. – С. 121-124.

7. Сон как треть жизни человека, или Физиология, патология, гигиена и психология сна / = Физиология, патология, гигиена и психология сна / [Соч.] М.М. Манасеиной, почет. чл. О-ва врачей Вост. Сибири в г. Иркутске. – Москва: «Рус. типо-лит.», 1892. – 22 с.

8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. – Москва: Наука, 1974–1983.

А.А. Тюняева
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.филол.н., профессор Г.П.
Козубовская

МИФОПОЭТИКА МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Поэтика музыкальных инструментов – часть большой проблемы «М.Ю. Лермонтов и музыка», разрабатываемой преимущественно в аспекте музыкальности поэта – музыкальных произведений, написанных на стихи Лермонтова.

Системного исследования мифопоэтики музыкальных инструментов в творчестве Лермонтова на сегодняшний день нет.

Рассмотрение поэтики музыкальных инструментов в творчестве Лермонтова (выяснение их семантики, историко-культурных смыслов и функции) позволит в перспективе уточнить лермонтовскую концепцию музыки.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, мифопоэтика, музыка, музыкальные инструменты, двойничество, арфа, барабан, гусли, семантика

Проблема «Поэзия и музыка» неисчерпаема; мифопоэтические исследования (такие, как Л. Гервер «Миф и музыка» [3, 4], Б. Мейлах «Поэзия и миф» [13] и др.) открывают новые перспективы. Работы Т. Цивьян [15] и И. Заруцкой [8], посвященные мифопоэтике музыкальных инструментов, являются базовыми для нашего исследования.

В изучении проблемы «Лермонтов и музыка» обозначились полюса: с одной стороны, акцентируется биографический материал, освещающий некоторые страницы биографии поэта, его музыкальные вкусы и пристрастия с опорой на документальные источники (см., например: И. Эйгес [16]), с другой – рассматриваются музыкальные произведения, созданные на стихи Лермонтова [7]. Обобщающий характер носит статья А.А. Гозенпуда, помещенная в Лермонтовской энциклопедии, обозначая некоторые грани проблемы [5].